

УДК 347.44

**Проблема допустимости в гражданском праве обязательств
с неимущественным содержанием**

Боровинская Н.А., Морозов С.Ю.

ГОУ ВПО «Ульяновский государственный университет», Россия

Мақалада азаматтық-құқықтық ұйымдастырушылық шарттардың мүлдітік емес сипаты негізделген. Мұндай шарттар мүлдітік емес мазмұндағы құқықтық қатынастардың пайда болуына мүмкіндік береді.

In article non-property character of civil legal organizational contracts is proved. It is proved, that such contracts generate legal relations with a non-property content.

Решение вопроса о допустимости существования в гражданском праве обязательств с неимущественным содержанием имеет принципиальное значение для возможности либо невозможности отнесения транспортных организационных договоров к обязательствам. Истоки данной проблемы берут начало в римском праве, установившем, что «*ea enim in obligatione consistere, quae pecunia lui graestarique possunt*» (Дигесты Юстиниана. Кн. IX, §2.40.7).

Неимущественное содержание обязательства предполагает наличие у кредитора неимущественного права требования, обеспечение которого является обязанностью должника. При этом важно четко разграничивать имущественные и неимущественные права требования. Различия в этих правах обусловлены неоднородностью имущественных и неимущественных отношений. Имущественные отношения имеют тесную связь с товарами, обладающими меновой и потребительной стоимостью. Неимущественные отношения, напротив, лишены экономического содержания и не подлежат денежной оценке. Как, например, оценить обязанность должника заключить договор? Вместе с тем нередки случаи, когда в неимущественных обязательствах фигурируют вещи либо действия имущественного характера. Например, в соответствии со ст.791 ГК РФ перевозчик обязан подать отправителю исправные транспортные средства под погрузку в срок, установленный принятой от него заявкой. Можно ли считать такое обязательство имущественным? Тот факт, что данные действия выполняются на безвозмездной основе, еще не свидетельствует о том, что субъективная обязанность должника (перевозчика) является неимущественной. Прежде всего, следует учитывать цель обязательства, т.е. «удовлетворение известного интереса, которым определяется содержание обязательства». А интерес грузоотправителя в данном случае заключается в организации реального договора перевозки грузов, который может быть заключен только после вручения груза перевозчику. Подача транспортных средств под погрузку служит действием, направленным на обеспечение возможности предъявить груз к перевозке. Требование грузоотправителя носит неимущественный характер, поскольку интерес его заключается не в имущественной выгоде от действий перевозчика, а в возможности заключить договор перевозки грузов. Причем интерес этот встречный. А.Л.Маковский указывает, что «... выполнение перевозчиком своей обязанности по перевозке зависит от предъявления другой стороной — отправителем — грузов, требующих перевозки. Пока перевозчик не получил соответствующий груз, он не может гарантировать выполнение своей основной обязанности: доставить груз в пункт назначения» [1; 47]. К тому же произведенные должником затраты, хотя и подлежат денежной оценке, но не всегда обладают потребительной стоимостью, а следовательно, действия обязанной стороны не всегда

приобретают форму товара. Когда речь идет о перемещении груза из одной точки пространства в другую, действия перевозчика представляют пользу для грузоотправителя, поскольку имеют экономический результат, хотя и не отделимый от самих действий. Иное дело, когда перемещаются пустые транспортные средства. Трудно даже предположить, в чем заключается их потребительная стоимость.

Но даже в тех случаях, когда транспортные средства подаются в пункт отправления вместе с погруженным грузом, обязательство не приобретает имущественный характер, поскольку его конечная юридическая цель иная. Правда, в судебной практике данная проблема решается неоднозначно. Так, в постановлении Федерального арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 9 марта 2000 г. по делу № Ф04/603–97/А27–2000 действия истца, осуществлявшего перевозку груза от фронта погрузки-выгрузки до железнодорожной станции, были квалифицированы как исполнение обязательства *об оказании транспортных услуг* по перевозке груза. При этом, на наш взгляд, судом не учтена направленность обязательства. Во-первых, действия перевозчика по подаче транспортных средств под погрузку, равно как и встречные действия грузоотправителя по предъявлению груза к перевозке, имеют конечной юридической целью заключение договора перевозки грузов. Если данная цель не будет достигнута и перевозка не состоится, действия сторон теряют всякий смысл. Поэтому объектом обязательственного правоотношения в данном случае является организованность правоотношения по перевозке грузов. Этого, к сожалению, не учитывает В.В.Витрянский, по мнению которого обязательства по подаче вагонов, контейнеров являются возмездными [2; 385]. Во-вторых, транспортировку груза от фронтов погрузки-выгрузки до железнодорожной станции нельзя рассматривать как исполнение перевозчиком обязанности по подаче транспортных средств под погрузку. Эту обязанность он выполнил тогда, когда вагоны были доставлены к месту погрузки. Все дальнейшие действия следует квалифицировать как исполнение обязанности грузоотправителя по предъявлению груза к перевозке. В данном случае груз, погруженный в вагоны, предъявляется приемосдатчикам на выставочных путях.

Если при квалификации договорных обязательств не учитывать их конечную юридическую и экономическую цели, обусловленные интересом участников, можно прийти к неправильным выводам. Например, обязательство грузоотправителя по предъявлению груза к перевозке можно было бы квалифицировать как имущественное лишь на том основании, что оно связано с передачей имущества (груза). Но интерес перевозчика заключается не в получении выгоды от владения, пользования либо распоряжения грузом, а в организации заключения реального договора перевозки грузов. Если же принять за основу противоположную точку зрения, то придется квалифицировать любые действия по передаче вещи для заключения реального договора как имущественные, т.е. имеющие экономическую форму товара, причем встречные действия перевозчика по подаче транспортных средств при таком подходе тоже рассматривались бы как передача вещи.

Таким образом, при квалификации обязательства в качестве имущественного или неимущественного следует учитывать, в первую очередь, направленность обязательства на конечный результат, обусловленную интересом кредитора.

Следует отметить, что, по большому счету, нет необходимости доказывать факт существования обязательств, обслуживающих неимущественные отношения в гражданском праве. Это объективная реальность, которую игнорировать просто невозможно. «В самом деле, — отмечает Б.М.Гонгало, — нельзя же считать имущественными отношения, возникающие из организационных соглашений между транспортными организациями и клиентурой (навигационный договор, договор централизованной автоперевозки грузов и т.д.)» [3; 19–20]. Многочисленные примеры установления обязанности совершить действия неимущественного характера содержат также нормы ст.ст. 429, 527–529, 765, 716, 791, 798, 799, 1041 ГК РФ. Договор поручения при определенных условиях может являться источником неимущественного обязательства.

Факты вроде бы очевидные, но оценка их, к сожалению, неоднозначная. Нет возражений против отнесения организационных отношений к числу относительных. Например, В.А.Белов, исследуя возможность допущения Федеральным законом от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» закрепления эмиссионной ценной бумагой «совокупности имущественных и неимущественных прав», приходит к выводу о том, что «можно уверенно говорить о признании ГК относительных неимущественных прав, но нельзя однозначно сказать, что именно обязательственных. К.А.Кирсанов считает организационные отношения относительными, но в то же время отличными от обязательств. Причинами тому автор считает невозможность существования неимущественных обязательств, неприменимость ко всем участникам организационных отношений наименований «должник» и «кредитор» [4; 18].

Можно согласиться с утверждением о том, что участников не всех организационных правоотношений следует именовать должник и кредитор, поскольку не все организационные отношения облекаются в форму обязательств. Однако для непризнания возможности существования обязательств с неимущественным содержанием авторы убедительных аргументов не приводят. Более того, далее К.А.Кирсанов пишет, что «если речь идет о договоре об организации перевозок грузов, то, как следует из текста ч.1 ст. 798 ГК РФ, сторонами *организационно-правового отношения* (курсив мой. — С.М.), вытекающего из данного договора, являются будущий перевозчик и будущий грузоотправитель». Что же получается? Договор, из которого возникает неимущественное правоотношение, не является обязательством? Есть ли смысл доказывать, что любой гражданско-правовой договор является обязательством?

Встречаются возражения и иного рода. Так, Е.А.Суханов признает организационный характер предварительного и учредительного договора, а также договора простого товарищества. «Но, — отмечает автор, — такие предварительные обязательства, в том числе и с организационным содержанием, всегда прямо обслуживают имущественный (товарный оборот), неотделимы от него и не имеют самостоятельного значения. Поэтому их существование не колеблет положения об имущественном характере обязательственных отношений» [5; 11]. На наш взгляд, приведенные автором аргументы не могут лечь в основу того вывода, который он делает. Стоит в полной мере согласиться с тем, что организационные договоры обслуживают имущественный оборот и неотделимы от него. Функциональная, причинно-следственная и иная взаимосвязи организационных и имущественных договоров свидетельствуют об их гражданско-правовой принадлежности. В то же время более пристальное внимание следует уделить тезису о том, что предварительные обязательства с организационным содержанием не имеют самостоятельного значения. На наш взгляд, более убедительной выглядит точка зрения В.В.Ровного, который отстаивает самостоятельность организационных отношений. «К тому же, несмотря на то, что организационные отношения и в самом деле служат налаживанию имущественных отношений и обслуживают их, — отмечает автор, — отсюда вовсе не следует, будто бы обслуживающая роль организационных отношений должна исключать их самостоятельное значение в предмете гражданского права: многие обслуживающие организационные отношения «отделимы» от обслуживаемых ими имущественных отношений, и если и выступают их элементом, то элементом не физическим, а юридическим» [6, 24–25]. Действительно, обязательства, возникающие из организационных договоров, можно назвать вспомогательными в том смысле, что главным их назначением является организация заключения либо исполнения имущественных гражданско-правовых договоров, без существования которых они не имеют практического смысла. Но можно ли на этом основании делать вывод о том, что они не имеют «самостоятельного значения»? На наш взгляд, ответ должен быть отрицательным. Возьмем соотношение обязательства, возникающего из договора об организации перевозок грузов и обязательства по перевозке грузов. Стоит согласиться с В.В.Витрянским в том, что «договор перевозки указанной конкретной партии грузов уже не является центральным для взаимоотношений сторон, а скорее выглядит как рядовые действия сторон по исполнению обязательств, вытекающих из договора об организации перевозок» [7; 8]. По логике Е.А.Суханова, мы должны сделать вывод о том, что договор перевозки грузов, в отличие от договора об организации перевозок, не имеет самостоятельного значения. Очевидно, что это не так.

Уместно вспомнить, что основоположник теории организационных отношений О.А.Красавчиков считал, что «организационное отношение имеет своим объектом упорядоченность отношений, связей, действий участников «организуемого» отношения» [8; 55]. Объектом организационного правоотношения является организованность правовых связей участников организуемого правоотношения — это социальное благо, представляющее определенную ценность для участников гражданского оборота. Генетические корни ценности организованности правоотношений следует искать в ценности права и правовых норм. Это обусловлено тем, что организационные отношения подобно правовой норме устанавливают правила поведения участников имущественных отношений. Организационное правоотношение ценно тем, что определяет круг субъектов имущественного отношения, на которых распространяется его действие, раскрывает содержание самого правила поведения в организуемом правоотношении*. Несмотря на свою ценность, организованность правоотношений не может иметь определенной стоимости, а потому является неимущественным благом.

*В отличие от нормы права организационное правоотношение не является регулятором типовых общественных отношений и устанавливается не государством, а субъектами правоотношения.

Теперь попытаемся ответить на вопрос: совпадает ли содержание организационного правоотношения и имущественного (основного) обязательства? У каждой из сторон организационного договорного правоотношения возникает субъективное право требования от контрагента выполнить действия неимущественного характера, направленные на заключение либо на организацию исполнения основного договора. Так, любая из сторон предварительного договора имеет право требовать от должника совершить акцепт предложения — заключить основной договор. Права и обязанности сторон основного договора носят имущественный характер (передача имущества, в том числе денег, выполнение работ, оказание услуг). В отличие от основного договора в предварительном регулируется не только поведение субъектов в рамках организационного правоотношения, но и вырабатываются условия заключения и исполнения будущего имущественного отношения. По этой причине содержание организационного и организуемого договора совпадать не может.

Далее, следует ответить на вопрос: необходимо ли для возникновения и исполнения основного обязательства заключение отдельного договора? Следует отметить, что в отдельных случаях имущественный договор нельзя заключить при отсутствии договора организационного. Так, без договора о подаче транспортных средств под погрузку и о предъявлении груза к перевозке, возникающего из факта акцепта заявки, невозможно заключить реальный договор перевозки грузов. Ведь заключение любого реального договора предполагает передачу вещи. Кроме того, предварительный договор вполне может существовать и быть исполненным в то время, когда основного договора еще не существует, чего нельзя сказать об основном договоре. Данные обстоятельства свидетельствуют о самостоятельном характере организационного договора, а вот самостоятельность основного договора с этой точки зрения, наоборот, вызывает сомнения.

За неисполнение организационного обязательства наступает самостоятельная ответственность, отличная от ответственности по основному обязательству. Тот факт, что гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер и призвана восстановить имущественную сферу потерпевшей стороны, не может свидетельствовать в пользу невозможности ее применения к лицу, нарушившему обязательство неимущественного содержания. Характер гражданско-правовой ответственности не может подтвердить либо опровергнуть неимущественный характер обязательства. Во-первых, речь идет об ответственности за различные виды правонарушения. В одном случае речь идет о нарушении обязанности заключить основной договор, а в другом — о нарушении обязанности имущественного характера (например, передать товар в собственность, уплатить определенную сумму и т.п.). Различие в характере правонарушений влечет за собой различную ответственность. Во-вторых, ответственность за нарушение организационного договора наступает и в том случае, когда имущественный договор исполняется должным образом либо отсутствует вообще.

Возникшее из организационного договора правоотношение можно именовать обязательством и в том случае, если имущественного договорного обязательства по каким-либо причинам не возникнет.

Таким образом, следует сделать вывод о том, что организационные договоры в гражданском праве имеют вполне самостоятельное значение и не носят подчиненного характера по отношению к имущественным договорам. К тому же позицию противников самостоятельного характера организационных договоров нельзя признать последовательной. Е.А. Суханов, например, критикуя точку зрения Д.Г. Лаврова о «юридически незавершенном» характере предварительного договора, заявляет, что «в действительности предварительные договоры порождают конкретные гражданско-правовые обязательства и с этой точки зрения являются вполне «завершенными» и окончательными» [5; 182]. Как это согласуется с тем, что организационные договоры не имеют самостоятельного значения, можно только догадываться. Как уже отмечалось, организационные договоры тесным образом взаимосвязаны с имущественными договорами. Установление взаимосвязи любых явлений, в том числе и договорных, предполагает, что изначально они являются «отдельностями», существующими независимо друг от друга. Иными словами, они разделены между собой внешней средой. Для того чтобы установить между ними взаимозависимость, необходимо связующее звено, в качестве которого выступает гражданско-правовая сделка, т.е. действия сторон организационного договора, направленные на установление гражданских прав и обязанностей участников имущественного обязательства. Вместе с тем отсутствие связующего звена не умаляет самостоятельности как организационного, так и организуемого договорных обязательств.

Подводя итог всему изложенному выше, сделаем вывод о том, что правоотношения, возникающие из организационных договоров, носят неимущественный характер и могут характеризоваться как обязательственные. В противном случае, придется признать определение обязательства, данное в

ст.307 ГК РФ, неверным, а заодно и опровергнуть хрестоматийную формулу, что «всякий договор является обязательством, но не всякое обязательство является договором». Здесь мы солидарны с И.Б.Новицким в том, что «... содержание обязательства не ограничивается правом требовать совершения только таких действий, которые или направлены на передачу, приспособление и т.д. имущества, или вообще так или иначе связаны с имуществом (например, ввиду их возмездности)» [9; 70].

Список литературы

1. *Маковский А.Л.* Правовое регулирование морских перевозок грузов. — М.: Юрид. лит., 1961. — С. 47.
2. *Витрянский В.В., Брагинский М.И.* Договорное право. Книга четвертая: Договоры о перевозке, буксировке, транспортной экспедиции и иных услугах в сфере транспорта. — М.: Статут, 2003. — С. 385.
3. *Гонгало Б.М.* Предмет гражданского права / Проблемы теории гражданского права / Институт частного права. — М.: Статут, 2003. — С. 19–20.
4. *Кирсанов К.А.* Гражданско-правовое регулирование организационных отношений: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — С. 18.
5. *Гражданское право: В 4 т. — Т. 3. Обязательственное право / Отв. ред. Е.А.Суханов. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Волтерс Клувер, 2007. — С. 11.*
6. *Ровный В.В.* Гражданское право: Учебник: В 3 т. — Т.1 / Под. ред. А.П.Сергеева. — М.: РГ-Пресс, 2010. — С. 24–25.
7. *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Указ. раб. — С. 8.
8. *Красавчиков О.А.* Гражданские организационно-правовые отношения // Сов. государство и право. — 1966. — № 10.— С. 55.
9. *Новицкий И.Б.* Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. — Т. II. — М.: Статут, 2006. — С. 70.

УДК 347.157:364.26

Предпринимательство несовершеннолетних: актуальные вопросы

Нуржанова А.К.

Западно-Казахстанский государственный университет им. М.Утемисова, Уральск

Мақалада кәмелетке толмағандардың кәсіпкерлік қызметінің ең маңызды сұрақтары қарастырылады. Қазақстан Республикасының заңнамасында кәмелетке толмағандардың мүліктік қатынастарға кәсіпкерлік қызметтің субъектісі ретінде қатысуы еліміздің әлеуметтік-экономикалық жағдайына жаңаша өзгерістер алып келеді. Қазақстан Республикасының заңнамасында «эмансипация», яғни кәмелетке толмағандарды толығымен әрекетке қабілетті деп тану, институтының пайда болуы дамыған елдерге тән маңызды институттардың бірі болып табылады.

In given article pressing questions of business of minors are described. Sweeping changes in a social and economic structure of the country, which appear by the occurrence reason in the Kazakhstan legislation, supposing participation of minors in a property turn as subjects of enterprise activity are reflected. Occurrence in civil legislation Republic of Kazakhstan of institute of «emancipation» of the minors, inherent in laws and orders of the developed states, the permission the minor to be engaged with the consent of lawful representatives in enterprise activity on reaching sixteen years is disputable from labor law positions.

Каждый имеет право на свободу предпринимательской деятельности, свободное использование своего имущества для любой законной предпринимательской деятельности. Монополистическая деятельность регулируется и ограничивается законом. Недобросовестная конкуренция запрещается.

В Казахстане, как и в других государствах, одними из решающих факторов, оказывающих влияние на гражданско-правовое положение граждан, являлись и являются социально-экономические и политические изменения. Экономические изменения и социальные проблемы неблагоприятно отразились на одной из самых незащищенных категорий граждан — несовершеннолетних.

Предпринимательство — это прежде всего вид человеческой деятельности. Причем предпринимательская деятельность не сводится к простой совокупности действий. Она состоит из связанных и последовательных предпринимательских мероприятий (действий), направленных к единой цели. Ос-